

W $\frac{526}{122}$

на ошв-20!

201-16
681

М Ы

Константин Бальмонт, Вячеслав Иванов,
Рюрик Ивнев, Александр Кусиков,
Лев Никулин, Борис Пастернак,
Семен Рубанович, Иван Ру-
кавишников, Сергей Тре-
тьяков, Вел. Хлеб-
ников, Вадим
Шершене-
вич.

W/526
122

См. 9 (19) м. 52
ВКМ 45-52
ф. 5

МЫ

Константин Бальмонт, Вячеслав Иванов,
Рюрик Ивнев, Александр Кусиков,
Лев Никулин, Борис Пастернак,
Семен Рубанович, Иван Ру-
кавишников, Сергей Тре-
тьяков, Вел. Хлеб-
ников, Вадим
Шершене-
вич.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

При Всероссийском Союзе Поэтов

„ЧИХИ-ПИХИ“

МОСКВА
1920.

52-7648

ЛЮСИ КУСИКОВОЙ.

ЧЕРКЕШЕНКЕ.

Я тебя сравнить хотел бы с нежной ивюю плакучей,
Что склоняет ветви к влаге, словно слыша звон созвучий.

Я тебя сравнить хотел бы с юным тополем, который
Весь смолистый, в легкой зыби, к небесам уводит взоры.

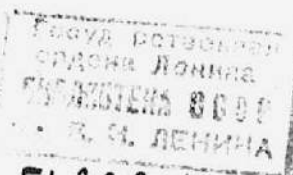
Я тебя сравнить хотел бы, видя эту поступь, дева,
С тонкой ладней, что ветер клонит вправо, клонит влево.

Я тебя сравнить хотел бы с той индусской баядерой,
Что сейчас-сейчас запляшет, чувства мера звездной мерой.

Я тебя сравнить хотел бы... Но игра сравнений тленна.
Ибо слишком очевидно: Ты среди женщин несравненна.

1919. 27-28 июля
Ночь.

Новогиреево.

51939-47

2011096307

ДЕВЧОНКА.

Девчонка бешеных страстей,
И ангелок, и демоненок,
Вся взрослая, хотя ребенок,
И вся дитя среди людей,
То злой упрямый соколенок,
То добрый золотой цыпленок,
То нежный крест души моей,
Девчонка бешеных страстей.

Ты крест, но очень нежный. Ибо
Все своеволия твои
Не тяжко каменная глыба,
А острый угол, бег изгиба,
Стрекозка в лете, взмах змеи,
И птичий щебет в забыты,
И все весенние ручьи.

ЗВЕЗДА.

„Мы будем там, когда уйдем отсюда“,
Сказала ты, взглянувши на звезду,
И я сказал: „Я верую и жду,
Когда же совершится это чудо“.

Звезда плыла в сияньи изумруда,
С лучом, как будто луч Луны на льду,
А облачко под ней, как мысль в бреду,
Вело в сейчас, являясь ни откуда.

И тонкую оно продлило ткань,
Спустилось вниз предольной бледной тучей,
Как узкий мост к земле с небес, певучий.

Он нег^л глазам. Ты прошептала: „Глазнь!“
И я, поняв, что наш он, миг текучий,
Тебя одел в жемчужный дождь созвучий.

ЛЮБИМАЯ.

Над Морем тяготенье было тучи,
Свинцовая громада в высоте,
А тут и там, на облачной черте,
Какой-то свет был нежный и тягучий.

Откуда доходил он из-за кручи
Туманов, сгроможденных в пустоте?
Особенный, по странной красоте,
Мне талисман в нем чудился певучий.

Вдруг, высоко, там, в безднах вышины,
Серпом Луна возникла молодая,
И с свежим плеском, гулко возростая,

Качнула сила ровность глубины.
Так ты пришла, о, радость золотая,
В мгновенные рождения волны.

НЕЗРИМОЕ.

Люблю тебя, когда, с мечтой незримой
Обручена, привольно шутить ты,
Вся жизнь, как дым, легко струится мимо,
И слов цветут мгновенные цветы.

В старинный вальс уводит голос нежный,
Къ далеким дням, где юность над рекой,
Лелея грусть, глядит в восторг безбрежный,
Жемчужный сон, овеянный тоской.

Смеешься ты, и всем с тобою сладко,
Но ты одна, как белый цвет среди льдин;
В твоих глазах тогда горят лампадка,
Но тайный свет лишь вижу я один.

НАД РУЧЬЕМ.

Когда мы тихими часами
С тобою говорим вдвоем,
Тебя я вижу над ручьем,
Ты лань с безумными глазами,
И мне хотелось бы сквозь мглу
Пустить проворную стрелу,
Чтоб не убить, о, только ранить,
И рану излечить скорей,
Всей страстной нежностью своей,
И лаской эту лань туманить.

Р О З А.

Ты юная, южная роза,
Тебя я не мог не заметить,
Судьбы роковая угроза
Велела мне алую встретить.

Судьба угрожает, но нежно,
Гремучей раскинуться тучей,
Овеять рассвет твой безбрежно,
Звучать, как источник певучий.

Вот молния в сердце раз'ятом,
Я жду твоего поцелуя,
И дождь пробегает по скатам,
Рыдая, звеня, и ликуя.

ГИМНЫ ЭРОСУ.

I.

От кликов ночью лунной
 Оленьего самца
 До арфы тихострунной
 Унылого певца,
 Заклятием кольца
 Из-под плиты чугуниной
 На краткое мгновенье
 Зовущего виденье
 Невестина лица,—

От соловьиных чар
 Над розой Суристана
 И голубиных пар,
 Гурлящих у фонтана,
 И вздохов океана
 До скрипок и фанфар,
 Замкнувших стон миров
 В один предсмертный зов
 Изольды и Тристана,—

Топленья всех скитальцев
 По цели всех дорог,
 Ты, Эрос, друг страдальцев,
 Палач и мистагог,
 Голодных алчный бог,
 Пчелиной зыбью пальцев
 У струн, звенящих в зное,
 Сливаешь в гимн, живое
 Манящий за порог!

Тобой пронзенный, вник
 Я в звон золотого лука,
 И понял ученик,
 Что золото — разлука,
 Что Смерть — Любви порука,
 Что Смерть — Любви двойник;
 Что для души земной
 Оне — судьбы одной
 Два имени, два звука.

II.

Все, что круглится сферою,
 Воздвиглось обелиском
 Иль Сфинксом возлегло,
 Что вглубь манит пещерою
 Иль в высь крылатым диском
 Возносится светло,—

Что расцвело капителью
 Иль выросло колонной,—
 Какому бы царю
 Ни слыл чертог обителью
 Иль криптой похоронной,—
 Тебе поет: „Горю“!..

Куда бы ни ударило
 Косым лучом светило,—
 Выиграло ль поутру,
 Иль на день мир состарило
 И днем обогатило
 И тает ввечеру,—

Висит ли мгла прозрачная
 Над вереском развалин,
 Как розовый туман,
 Идет ли новобрачная
 Из мглы опочивален
 На плещущий фонтан,—

В избытке и бесплодии,
 Как жалоба Мемнона,
 Влюбленного в зарю,
 Мне слышится мелодия
 Тоскующего стона,
 И все поет: „Горю“!..

И вижу ль волны синия
 И синие отроги
 Волнистого хребта
 Иль тел стыдливых линии,
 В которых ваша, боги,
 Мерцает нагота,—

„Почто в себе согласное
 Тоскует по другому?“—
 Дивлюсь... Грусти, смотрю,
 Как радо мраку ясное
 И стройное излому,
 А мне лазурь: „Горю“!..

Добро же, демон яростный!
 Меня ты не обманешь,
 Бываюго пловца,
 И в лодке легконорусной
 На остров не заманишь,
 Где ты казнишь сердца!

III.

Тебе хвала, в чьих львиных лапах
Я ланью был, сердце Молох!
Бог—тень, бог—тать, бог—взор, бог—запах,
Зов неотступный, смутный вздох!

Бог—нежный вихрь... и безнадежность!
Бог—преступление... и венец!
Бог—волн пылающих безбрежность!
Бог—смертный ужас! Бог—конец!

И за концом—заря начала!
За смертью—победивший смерть!..
Златая ветвь плоды качала:
Ты руку мне велел простерть!

Ты дал мне песенную силу,
Ты дал мне грозы вешних чар,
Ты дал мне милую могилу,
Ты дал мне замогильный дар.

Ты растопил мои металлы,
И променял я свой алмаз
На слез прозрачные кристаллы
И на два солнца дальних глаз.

IV.

ТРИСТАН И ИЗОЛЬДА.

В гостеприимном
Дому Плутона—
Любови лоно...
„Дай на глаза нам
Свои повязки,
Любовь, и краски
Затми ливаном
Глухим и дымным,
Как наши ласки“!..
Рабы Любви,
Вам Смерть — невеста,
И нет вам места
В дневном пределе.
Что Эрос тронет,
Себя хоронит
И в тесном теле—
Томленьем крови
По крови—стонет.
Что Эрос тронет
Крылом разлуки,
Огня и муки
Завожделеет
В тоске по целом;
Смесь тела
С другим, что тлеет,
Летит—и тонет
В ночном и белом.

1.

Мозг, мозг, пылай черной ризой,
Камнем высечем злобы знак.
Горько плачем над Ведной Лизой
Мягкой лестницей вьется мрак.

Храм твой чудный виден отсюда,
Из зловонной ямы моей.
Знаю: задушивший себя Иуда
Был ручейка светлей.

Мозг, мозг, пылай черной ризой,
Друг мой, распни меня,
Прощай, голубок мой свзый,
До великого судного дня.

Вот и Господь. Как нищий,
Как ~~п~~домник, идет в пути.
Камнем, камнем знак злобы высечем
И от него не уйти.

Мозг, мозг, пылай черной ризой.
Спи во гробе, дитя.
Не надо мной ли, над Ведной Лизой
Ветки облаков хрустят.

1918 г.

БОРИСУ ПАСТЕРНАКУ.

Горечь судеб лови. Мастер, на ка,
Смейся над своим мастерством, рука.
Вот и оно пришло ко мне, облако,
От снежных вершин Пастернака

Вижу золотые бедра Востока. С востока
Галлереей картинной идут века.
И тут же гнойный след человека
А там ветер. Тишина стебелька.

Будем бессмертным себя нарекать.
От облака до облака
География наших зеркал.

Как мне больно за человека.
Но ты не человек от века и до века
И я не человек.

1918 г.
Москва. 13 ноября—поздно вечером.

3.

Хлопья мокрыми язвами
(Скрежет костей, натянутых, как парус)
В темной накидке газовой,
Обнажив свои гнойные ярусы.

С горьким шумом несется Земля,
Черпотою пространства сверля.

И не ты ли, Кавказский хребет,
И не ты ль, позвонок Пиринеев,
Под тюремной луной кочея,
Видишь тени грядущих планет.

И скрипят, как финляндские сосны
Наши мертвые жадные весны.

1918 г.
Москва.

4.

На золоте снега
Черный уголь злобы моей
Чертит с разбега
Косу для убийства людей.

И прямые, пышные кости,
Как гроздь гигантских шагов,
Кадят расцветающей Злости
Кадильницей наших голов.

И Ты, бунтовавший когда то,
Распятый за злобу людей,
На белые руки Пилата
Глядишь тишиною почей.

На золоте снега
Черный уголь злобы моей
Чертит с разбега
Косу для убийства людей.

24 ноября 1918 г.
Москва.

Серебряной памяти
любимого брата Георгия
† 14 марта 1919 г.

1.

Разбилось небо черепками звезд,
Зевнул усталой позолотой месяц...
О, если б вбить в рассвет алмазный гвоздь
И жизнь свою на нем повесить.

И в заводь зорь предутренних молитв
Ладони дня мне вознесут смирение—
Я буревестник ятаганих битв
Познал тоску подбитого оленя.

18/VII 1919 года.

2.

Виснет день виноградной кистью
Сквозь просинь зелено-стеклянный—
Лесным болотцем глаза мои кивнут,
А в душу никто не заглянет.

Все чужими проходят мимо...
Любимый?
Любимого нет—
В траур дум моих Белое Имя
Заронил я на белом коне.

Каждый вздох мой священным колодцем
Хочет небу о чем-то сказать,—
Подбитым галченком клюется
В ресницах скупая слеза.

Вехлищууда злоба двуглавым.
Разве в злобе забвенья искать?..
И в небо сегодня плавает
Треугольным отлетом тоска.

Журавли меня тоже покинули.
Серой люлькой качнувшись в окне—
Кто разбил черепок мой глинянный,
Мое счастье в горах на плетне.

1/VII 1919 года.

3.

Так щурясь в подрясничный гребень,
Тонуть в канве скользящих дум—
Упругий звон.—Тоскует ум
Подбитым коршуном на небе.

И этот облачный самум—
Поющий траур черный лебедь.
И день как в выпеченном хлебе,
Расстресканным горбом угрюм.

Безсилен я под облаками,
Как пращей выброшенный камень—
К любимому возврата нет.

Ступней секунд шагает рок...
Пусть молот дня вобьет в сонет
Четырнадцать тревожных строк.

29/IV 1919 года.

4.

Затеряться, забиться мне где бы,
Как в плетне черепок кувшина—
Я люблю предвечернее небо,
Когда лапу сосет тишина.

Я люблю, когда вымытой шерстью
Уплывают в затон облака,
Когда выронит ветер свой перстень
И опустит туман рукава.

Быть неслышным, никем незамеченным,
На луну заронив свою тень...
Еслиб мог я рябиновым вечером
Черепком затаиться в плетень.

28/VI 1919 года.

5.

Месяц-паегух запрокинул свой красный башлык,
Возвращаясь в аул на пробудную встречу птиц—
Облака за рассветный плетень зашли
Синим стадом его буйволиц.

Щиплет шерсть на матрацы туман,
Заплетает березка косички,
Спрыгнул с крыши облезлый баран,
Родные орлы в переключке...

О четки, янтарные четки мои,
Это вы мне нащелкали детство —
Старым коршуном грусть моя думы таит...
Где ты мудрый с легендами дед мой?

В этот город вз'ерошенный, в этот город чужой
Занесен я оторванной тучей.
Не сдержать мне медведицей, звездной вожжой
Табуны моих дней бегущих.

VI/1919 года.

6.

На цыпочках день уходит,
Шепелявит листва в зарю...
В закатную тайну исхода
Я свою жизнь растворю.

Буркой я ночь запрокину,
Опояшусь дымкой веков.
Растворюсь я в небесный иней
Туманов седых стариков.

Звездной молитвой прольется
Небо—священный Коран,
Я увижу, как облак пасется,
Любимый Аллаха баран.

Буду мудрый пастух скиталец
С новым безликим лицом.
Шарик земной на палец
Одену себе кольцом.

День присел за холмом на корточка.
Ветерок, кувыркнувшись, затах —
Только тело усталое корчится
На аркане раздумий монх.

А в небе на черной феске
Золотой полумесяц прикручен —
Это мой профиль резкий
Вычеканен четко на туче.

VI/1919 года.

7.

Тоска на плетне лошадиным череном
Скалит зубы сквозь просинь в осеннюю даль —
И не в горах затерялся ущельями
И не страхе желанном блуждает печаль.

То смиренной молитвой, то раскатным проклятьем
Я бегущую тучу бессильно ловлю...
Стучись мое сердце — трепещущий дятел,
Слезное небо в ресницах проклюй.

Разве арба проскрепит по Арбату,
Разве душу порадует ржаньем табуи
В родимый аул бы, к вершинам горбатым...
О мысль на чужбине — крылатый скакун.

22/X 1919 г.

1.

Холодным и поздним апрелем,
В еще несогретом лесу,
Мы будем бродить и застрелим
В кустах золотую лису.

Забьется дрожка и хромаля,
От крови и боли слепа,
Но нежные зелени мая,
Уже для нее не трона.

От рвущей и ранищей дробы
Она за кустами легла,
В последней, мучительной злобе
Кусая ружейный приклад.

Мы будем еще беззаботней
Бродить по весенним лесам,
И я — неустанный охотник,
И ты — золотая лиса.

Кропи же рубиновым током
Следов неприметный узор,
Встречай ненавидящим оком
Врага испытующий взор.

И падай в колючий шиповник,
От крови и боли дрожка,
Когда невинистый любовник
Ответит ударом ножа.

2.

Если любовь ничего не сказала,—
Я на слова последние скуп.
Утром на дальних путях вокзала
Может быть вы подберете труп.

В городе, где никому не знаком я
Эту невечную память пою,
Ктонибудь там накидает комья
В темную пыльную яму мою.

Без саркофагов и без монументов,
Без погребальных речей на заре
Стану добычей веселых студентов
В темной часовне на черном дворе.

Ни для кого не будет удара—
Пужно ли тратить ладан и воск,
Из костяного желтого шара
Выплеснут мой беспокойный мозг.

Ктонибудь год на кресте обозначит,
Мертвую голову шелком зашьют.
Тихо и душно. Никто не плачет.
Кажется, это последний приют.

3.

Серебряный, продолговатый ящик,
И мирты над иссохшею рукой.
И это сердце, содрогаясь чаще,
Услышит: „Со святыми упокой“.

Не тронется, не скажет, не разбудит:
„Любимая... Вернись и не грешь...“
Помолится за упокой души
Когда ее души уже не будет.

Ее дыхание, и голос, и движение
И точно подрисованная бровь,
Но в этом восковом изображении
Ужели сохраняется любовь?

Трубите нарисованные трубы
Архангел нарисованный,—буди
Бескровные и сомкнутые губы
И миртовые ветви на груди.

4.

Вы знаете: смерти не будет
В один благодатный закат
Уже не мечтал о чуде
Слепые сердцами взлетят.
И пусть не печалит примета
Что тени у вас на челе,
Что вы уплываετε в Лету
На черном ее корабле.
Не плачьте о близком отъезде,
Не бойтесь земного конца.
На синие стая созвездий
Сегодня взлетают сердца.
Минуты, часы и столетья,
Лети мое, сердце, лети,
Взлетая над звездною сетью,
Мечтая о млечном пути...
О эти лучистые сети
Из нечеловеческих рук,
И эта звезда на рассвете
Холодный алмазный паук.

ПОЦЕЛУЙ.

Душистой таволгой машучи,
Впивая впотьмах это благо,
Бежала на чашечку с чашечки
Грозой одуренная влага.

На чашечку с чашечки скатываюсь,
Скользнула по двум и в обеих
Огромную каплей агатовую
Повисла дрожит и робеет.

Пусть ветер по таволге веющий
Ту капельку мучит и плющит
Цела, не дробится, их две еще
Целующихся и плющих

Сменяются и вырваться силится
И выпрямиться, как прежде;
Да капле из рылец не вылиться
И не распрявиться, хоть режьте!

Я С А М.

В трюмо испаряется чашка какао,
Качается тюль и прямой
Дорожкой в сад, в бурелом и в хаос,
К качелям бежит трюмо.

Там сосны враскачку воздух ссадчат
Смолою,—там помаете
Очки по траве растерил палисадник
Там книгу читает Тель.

И к заднему плану, во мрав, за калитку
В степь, в запах сонных лекарств
Струится дорожкой, в сучках и в улитках
Мерцающий, жаркий кварц.

Огромный сад тормозится в зале
В трюмо—и не бьет стекла
Казалось бы все коллодним залил
С коммоды до шума в стволах.

Зеркальная все б казалось нахлынь
Непотным льдом облила,
Чтоб сук не горчил и сирень не пахла
Смятенья залить не могла.

Несметный мир семенит в месмеризме
И только ветру связать
Что ломится в жизнь и ломается в призме
И радо играть в слезах.

ОДИНОКИЙ.

Ты отдал нищим ароматы
И встречным девушкам — венок.
— Благословенны вы, утраты! —
Стоишь, лучист и одинок.

Душе не страшен темный жребий:
Цветов ли, миг цветущих, жаль?
В душе, как в предзакатном небе,
Яснее мудрая печаль.

Последний свет, как он жемчужен!
Как утешает тишина!
— Умри. Ты счастлив и ненужен:
Святая жатва свершена.

ПЕРСИДСКАЯ ПЕСЕНКА.

Прямо в сердце бьющий метким звуком,
Я, охотник и певец Ирана,
Умираю, ранен детским луком,
Хоть в груди не червленеет рана.

Жемчуг сердца, подивись, Зулейка,
Что утес песчинкою, раздавлен:
Не тобой ли маленькая змейка
Мощный лев ужален и отравлен.

Мед и яд в устах тайны ты, в алых
Отчего ж я гибну? Оттого ли,
Что я слишком много целовал их?
Оттого ль, что не целую боле?

ПЕСНЯ РОЗЫ.

Розой белою средь луга
Задремала я.
Но для друга я, для друга —
Роза алая!

Ах, когда ко мне мой милый
Нагибается,
Сердце жаром, алой силой
Наливается.

Вся просвечена любовью,
Как лампадка я.
Истекаю медом-кровью,
Роза сладкая.

Раскрываюсь я, ален,
И не думаю:
Пусть сомнет он, не жалея
Красоту мою.

Все горит и над могилой
Сердце радостью:
Из него напился милый
Алой сладостью.

ЖАЛОВА МОЛОДЦИ.

Сердцем плачусь я безрадостным
На судьбу.
Не на ложе брачном-сладостном,
И в гробу.

С нелюбимым в ночь увылкую
Не уснуть:
Под рукой его немилою
Стынет грудь.

Целовать самой нет моченьки
Да стерплю:
Притаюсь, закрою оченькв
Вудто сило...

Ах томлюсь я грезой девичьей
О весне,
О сияющем царевиче
На коне.

Прклетит быстрее сокола,
Защитят...
Нет, старик вздыхает около
Знать, не спит.

Во цвету себя сгубила я,
Молода:
Лезет в рот его постылая
Борода.

РАЗУВЕРЕННЫЙ.

И синий веющий эфир
И солнце пьяное простором.
Но он глядит на внешний мир
Невидящим, недвижным взором

Что для него весна? Она
Души не озаряет скрытвой:
На берег вечности гранитной
Недплеснувшая волна.

Все та же тень его ресниц,
Все те же—каменные—веки...
Пусть крыши ледяных гробниц
Крушат воскреснувшие реки.

Пусть благовест издалека
Вещает счастье без предела:
Он глух. Он слеп. Окаменела
Бедой грозящая рука.

ГИМН.

Кого в умильном я славлю гимне,
Любя любовь?
Хвалить достойно ты помоги мне
Тебя, любовь.

Затем что с детства я в сердце юном
Таю любовь,
Дай слову сладость, дай мудрость струнам
Твою, любовь.

Пусть я твой берег, пловец упорный.
Кыдал, любовь,
Но опрокинут волною черной
Вновь звал: любовь!

Кто челн мой вывел из бездны пенной?
Твой свет: любовь!
С тех пор я в сердце ношу блаженный
Обет: любовь.

Лишь тот, кто душу тебе вверяет
Поймет любовь
Соль слез рождает и претворяет
Их в мед любовь.

Миры связуя из звезд созвездья
Ты вьешь, любовь,—
И в брачный кубок разлук возмездья
Ты льешь, любовь.

Ты вихрь палатий и утоленья
Родник, любовь,
И твой глашатай—то вздох моления
То крик, любовь.

Карает смертью и воскрешает
Твой суд, любовь.
Огонь и влагу в один вмещает
Сосуд любовь.

Итак, хвалима да будет ныне
Как встарь любовь.
Земля да будет твоей святыне
Алтарь любовь.

Бесследно в мире пройти не дай нам
Как дым, любовь!
Дай причаститься пречистым тайнам
Твоим, любовь!

1.

Незрячие встречаются
Потерянные дни
И в кольца замыкаются
И тешат чорта.

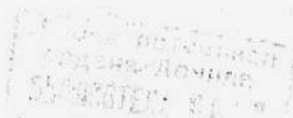
А дай—огни свершения
Очистые глядят.
Спиралью вдохновения
Пугают чорта.

2.

Скоро сохнет слеза.
Набежит на глаза
И опять будто не было, не было.

Скоро пишется стих.
Загорелся и стих.
И в веках будто не было, не было.

Скоро гаснет любовь.
Поволнуется кровь...
Нет не сгинет любовь,
Чудо—птица любовь
Чудо птица—любовь
Многокрылая.

В МАЕ РОДИТЬСЯ — ВЕК МАЯТЬСЯ.

Родился я в начале мая
Там, где сошлись Ока и Волга.

И вот я маюсь, долго, долго
По всем путям родного края.

Вернулся в первый раз сюда,
Чтобы проститься навсегда.

Но май хитер. Бродил везде я.
Везде хотел жить вечно, долго.

Святого гения—злодея
Зовут назад Ока и Волга.

Людьми хвалим, но духом хром,
Опять пришел я в отчий дом.

Хвала же вам, Ока и Волга,
Что в третий раз меня призвали.

Но я еще приду едва ли.
Но не надолго, не надолго

Я в третий раз пришел домой
Чтоб расколоть дом—замок мой.

ВАДИМУ ШЕРШЕНЕВИЧУ.

На поле Польши посеяна озимь.
Взойдет на Пасху зерно родимое.
Клянутся вьюги: не заморозим.
Лепечут ливни: не сгноим.

Ничего, что в глине так мало места
Ничего, что в трауре Рождество.
У одного была мать, у другого—невеста,
А у третьего не было никого.

Старый Бог захмелеет на жирных жертвах,
А в мире уже возмужал другой.
Когда крикнут в церкви „Воскресе из мертвых!“
Он придет, непредожный, простой и нагой.

И выползут те из суглинков Польши,
И сердца свои в пригоршнях нам принесут,
Потому что лежать не в силах больше,
Потому что радости страшный суд.

СУББОТА.

Иду как будто бы один
В червонцы улицы синеватой.
Досадно сыглет нафталин
Небо, простеганное ватой.

Червонится навязчивый опер.
Как холодно после пупок.
Для одних я—резонер.
Для других—жулик.

А в общем остался рубль.
Разменять бы на фонарики оквериков!
А благословиться для кушь
Зайти хоть в эту церковь.

В церкви свечи больны трахомой
И сладкий запах греха.
Через свечи смотрит знакомый
Гладкий, как оленья доха.

Электричество пляшет польку
Перед Боженькой наших детей.
Стиснуть пальцы в апельсиновую дольку
И тропуть между бровей.

Вон! Вон! Это слишком!
И без того мне светло.
Стучать по глазетовым крышкам
Не мое ремесло.

В фонари! Орпеджио Брамса!
Стен домовых карт крупный крап.
Ха! Сейчас никому не дамся,
Щелкая уличный трап.

И звон трамвайный забыстрил
А из глаз сигнальный флаг.
В визге—изгородь. Это выстрел.
Шапо-кляк.

СЧИТАЛКА.

Этак так по турьям турам
 Стал Вавюша штукатуром
 С лестниц песни целый день
 Вышел вышел телепень
 Белочки сосенки белые палочки
 Гони погоня погожей Наталочки
 Выдзем селезень пали дожди
 Милая шалай вон выходи
 В полено колено споткнулась Елена
 В поле сидим
 По лесу дым
 Ночью свещем
 Утром сыщем
 Угори
 Раз два три.

ГОРОД.

(Фрагмент)

Ночь.

Утеи. Солнце! Ты мне надоело.
 Уходи пожалуйста спать...
 Земля в одеяло.
 Кошачьих глаз тысяч пять.
Он. В сады! В сады!
 Миллион чемпионов.
 Костюм арлекина
 Сельтерской воды
 И самого модного сидина.
 Потому что хочу на лоно
 Природы, лаковых туфель
 И лавров из блестящей бумаги,
 В Баре ль, в Вуффе ль
 Или в Праге.
 Мадемуазель! Обнимите меня.
 Я вас прочитаю, как книжку.
 Мадемуазель! Побольше огня.
 Но только не мните мавинку.
 Мадемуазель! Вы знаете жупел?
 Нет. Я тоже нет.
 Смотрите, месяц потупил
 За трубою монолорнет.

Утец. Висеть.
 Падать в сеть.
 В корсете нащупывать сердце.
 Небосвод клетчат,
 Калечит и лечит
 С черноусой любезностью перса.

Он. Девушка! Сколько тебе лет?
 Девушка! Сколько тебе денег?
 Давно билет?
 Любовник-мошенник?
 Девушка! А часто кричат, проказничая:
 — Навзничь ее!
 Ты старая, как портсигар мой,
 Кожа тихая, в лоск.
 Сегодня кто за казармой
 Издавит девичий воск.
 Прости меня мерзкого.
 Я—поросший щетиною зверь!
 Не верь.
 Это из Достоевского!

Она. Желтым усом шевелит
 Месяц к окну прилипший.

Он. Ну, и тип же
 Подотерит паркетные плит.

Она. Я спала в грамофонных трубах,
 На проводах сушила белье.
 Сколько тихих и грубых
 Входило в мое жилье.

Утец. Убегали бульвары в скверы,
 Проползали дома в дома.
 Поблуживало начало эры
 В уме, сходявшем с ума.
 А тоска была ментором
 И сожница не принимала всерьез.
 И кокетничал с черным центром
 Каучук качельных колес.

1.

Малюток
В стае чижей,
Чужой
Молю так:
Я видел выдел
Весен в осень
Зная
Знои
Сибей
Сони.
Сосни летал,
Сосне латая
Взоры голубые
Пряческой голубей.

2.

Ветер — пенне.
Кого и о чем?
Нетерпение
Меча быть мячом.
Люди делают донь смерти,
Точно любимый цветок.
В струны великих, поверьте,
Ныне играет восток.
Быть может, нам новую гордость
Волшебник сияющих гор даст
И многих людей проводник
Я разум одену, как белый ледник.

ПОЭТА СТРАДАНИЕ.

Чтоб не слышать волчьего воя возвещающих труб,
 Утомившись сесть в этих дебрях бесконечного мига,
 Разбивая рассудком хрупкия грезы скорлуп
 Сколько раз в бессмертную смерть я прыгал.

Но крепкие руки моих добрых стихов
 За фалды жизни меня хватал... и что же?
 И вновь на Голгофу мучительных слов
 Уводили меня под смехи молодежи.

И опять, как Христа измотавшийся взгляд,
 Мое сердце пылливое, жаждет, икая.
 И у тачки событий, и рифмой звенят
 Капли крови, на камни из сердца стекая.

Дорогая!
 Я не истин напевов хочу, не стихов,
 Прозвучащих в веках слаще славы и лести.
 Только жизни, беспечий, густых зрачков,
 Да любви, и ей сумасшествий.

Веселиться, скучать и грустить, как кругом
 Миллионы счастливых набелсветных и многих.
 Удивляться всему, как мальчишка, впервой увидавший тайком
 До колен приоткрытые женские ноги.

И ребячески верить в расплату за сладкие язвы грехов
 И не слышать пророчества в грохоте рвущейся крыши,
 И от чистого сердца на зов
 Чьих-то чужих стихов
 Закричать, словно Бульба: Остап мой, я слышу.

2.

Все было неожиданно, до бешенства вдруг.
Связовь сумрак по комнате бережно налитый
Сказала: а знаете---завтра на юг
Я уезжаю на-лето.

И вот уже вечер гроздящихся мук,
И слезы крупней, чем горошины..
И в вокзал, словно в ящик почтовый разлук,
Еще близкая мне, ты уж брошена.

Отчего же другие, как я, не прохвосты,
Не из глыбы, а тоже из сердца и мяс
Умеют разлучаться с любимыми просто,
Словно будто со слезинкою глаз?

Отчего ж мое сердце, как безлюдная хижина?
А лицо, как невыглаженное белье?
Неужели же первым мной с вечною сближено
Непостоянство, любовь, твое?

Изрыдаюсь в грустях, на хвосте у павлина
Изображаю мечтаний далекий поход
И хрустально-стеклянное вымя графина
Третью ночь сосу напролет...

И ресницы стучат в тишине, как копыта,
По щекам зеленеющим скукой, как луг
И душа выкапает, словно чайник забытый
На спиртовке ровных разлук.

Это небо закато не мою ли кровью?
Не моей ли слезой полноводятся Нил?
Оттого что впервой с настоящей любовью
И стихам о любви изменил.

3.

Когда сумёрки пляшут присядку
Над паркетом наших бесед,
И кроет звезд десятку
Солнечным тузом рассвет,—

Твои слезы проходят гурьбою,
В горле запутаться их возня.
Подавился я, видно, тобою,
Этих губ бормотливый сквозник.

От лица твоего темнокарего
Не один с ума богомаз...
Над Москвою саженное зарево
Твоих распятых глаз.

Я тобой на страницах выднн,
Рифмой захватанная, подобно рублю,
Только в омуты уха заплыли б
Форели твоих люблю!

Если хочешь тебе на подносе,
Где с жирком моей славы суп,—
Вместо дичи подстреленной в осень
Пару крыльев своих принесу.

И стихи размахнутся, как плети
Свистом рифм, что здоровьем больны,
Стучать по мостовой столетий
На подковах мыслей стальных.

4.

От 1893 до 919 пропитано грустным зрелищем:
В этой жизни тревожной, как любовь в девичьей,
Где лампа одета лохмотьями копоти и дыма,
Где в окошке кокарда лунного огня, —
Многие научились о Вадиме Шершеневиче,
Некоторые ладонь о ладонь с Вадимом Габриэлевичем,
Несколько знают походку губ Димы,
Но никто не знает меня.

. . . Краску слов из тюбика губ не выдавить
Даже сильным рукам тоски.
Из чулана одиночества не выйду ведь
Без одежд гробовой доски.

Не называл Македонским себя или Кесарем,
Но частенько в спальней тиши
Я с ловадкой лучшего слесаря
Отпирал самый трудный замок души.

И снимая костюм мой рябильный
Сыт от манны с небесных лотков,
О своей судьбе я выпрашивал
У кукушки трамвайных звонков.

Весь мир переписанный начисто
Это я на эстраде ниской.
Но я часто люблю без чудачества
Себя подчеркнуть, как опилку.

Вадим Шершеневич пред толпою безликою
Выжимает, как атлет, стопудовую гирию моей головы,
А я тихонько, как часики, тикаю
В жилетном кармане Москвы.

Вадим Габриэлевич вагоновожатый веселый,
Между всеми вагонный стык.
А я люблю в одинокой постели,
Словно страус, в подушек кусты.

Губы Димки полозьями быстрых санок
По белому телу любовниц в весну,
А губы мои ствол Ногана,
Словно соску стальную, сосут.

О ЗУБАХ.

От полночи частой и грубой
От бесстыдного бешенства поз
Из души выпадают молочные зубы
Наивных томлений
Влюблений
И грез.

От страстей в полный голос и шепотом,
От твоих суеверий, весна,
Дни прорастают болезненным опытом,
Словно костью зубов прорастает десна.

Вы пришли и с последнею, трудною самой,
Болью взрезали жизнь, точно мудрости зуб.
Начего не помню, не знаю упрямо,
Утонувши в прибое мучительных губ.

И будущие дни считаю
Числом оставшихся с тобой ночей...
Не живу... не пишу... засыпаю
На твоём глубоком плече.

И от каждой обиды невнятной
Слезами глаза светло.
На зубах у души побуревшие пятна,
Вместо сердца сплошное дуло.

Изболевшей душе не помогут коровки
Из золота. По ночам
Ты напрасно готовишь прогнившим зубам
Пломбу из ласки звонкой.

Жизнь догнивает, чернея зубами.
Эти черные пятна — то летит воронье.
Знаю: мудрости зуба не вырвать щипцами,
Но сладко его нытье.

ЗА НАС ТОСТ

Мы последние в нашей касте
И жить нам недолгий срок!
Мы — коробейники счастья,
Кустари задушевных строк!

Скоро вытекут на смену оравы
Не знающих ступков в крови,
Машинисты железной славы
И ремесленники любви.

И в жизни оставят место
Свободным от машин и основ:
Семь минут для ласки невесты,
Три секунды в день для стихов.

Со стальными, как рельсы, нервами
(Не в хулу говорю, а в лесть!)
От двенадцати до полчаса первого
Будут молиться и есть!

Торонитесь же, девушки, женщины,
Влюбляйтесь в певцов чудес.
Мы пока — последние трещины,
Что не залил в мире прогресс!

Мы последние в нашей династии,
Так любите ж в оставшийся срок
Нас, коробейников счастья,
Кустарей задушевных строк!

МОЙ ОТЧЕ НАШ.

Ты, грустящий на небе и кидающий блага нам крошками,
Говори: Вот вам хлеб ваш засущенный даю!
И под эту лаской мы ластимся кошками
И достойно мурлычем молитву свою.
На весы шатких звезд, коченевший в холодном жилище,
Ты швырнул мое сердце, и сердце ушло, звеня.
О уставший Господь мой грустящий и нищий,
Как завистливо смотришь ты с небес на меня!
Весь ваш род проклят роком навек и незримо,
И твой сын без любви и без ласк был рожден.
Сын влюбился лишь раз, но с Марией любимой
Эшафотом распятыя был тогда разлучен.
Да! Я знаю, что жалки, малы и ничемны
Вереницы архангелов, чудеса, фимьям
Рядом с полночью страсти, когда дико и темно
Припадаешь к ответно встающим грудям.
Ты, проживший без женской любви и без страсти,
Ты, не никший на бедрах женщины нагих,
Ты бы отдал все неба, все чуда, все власти
За объятья любой из любовниц моих.
Но смврься, одинокий, в холодном жилище
И не плачь по почам, убеженный тоской!
Не завидуй, Господь, мне, грустящий и нищий,
Но во царстве любовниц себя уюкой!

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
При Всероссийском Союзе Поэтов
„ЧИХИ-ПИХИ“.

- Мы — К. Бальмонт, В. Иванов, Р. Ивнев, В. Хлебников и др.
Жемчужный Коврик — К. Бальмонт, А. Кусиков, А. Случановский (распродано).
А. Случановский — Проклятая колыбельная (распродано).
А. Кусиков — Зеркало Аллаха (распродано).
” — Сумерки. Изд. 4-е.
В. Шершеневич — Крематорий (распродано).
” — Вечный жид. Изд. 3-е.
Г. Сидоров — Расколотое солнце (распродано).
Ф. Жиц — Секунды. Изд. 2-е.
А. Мареев — Рабиада.
Марка издательства работы Б. Эрдмана.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Камергерский, 4, Книжная Лавка Поэтов.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

- Коробейники Счастья — А. Кусиков, В. Шершеневич.
Вильдрак и Дюамель — Свободный стих.
В. Шершеневич — Лошадь как лошадь.
” — Песня Песней.
А. Кусиков — Коевангельеран.
К. Бальмонт — Дар Земле.